

УДК 316.334.54, 316.334.56

А.О. Богатикова

МАШИНЫ НЕ СТАВИТЬ: ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ ПРОВЕДЕНИЯ ГРАНИЦ В ЖИЛОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

Дается социологический анализ микрорайона как планировочной единицы в постсоветском городе. Дается определение микрорайона и кратко очерчивается его социальная история, описываются основные противоречия и конфликты. Основной фокус текста — практики современных жителей микрорайона по зонированию пространства внутри микрорайона.

Ключевые слова: *социология города, архитектура, микрорайон, жилище.*

Данный текст посвящен анализу практик жителей «типовых» советских микрорайонов, построенных в 1970–1980-е гг. Типовой советский микрорайон – это продуманная структура. Обычно он состоит из нескольких домов (их называют жилыми группами), детского сада и школы. На группу микрорайонов приходится поликлиника и универмаг. Средняя плотность населения – 450 человек на гектар. Здесь мы обсуждаем одну из главных проблем микрорайонов – отсутствие внятного зонирования территории внутри них (см., например, обсуждение в книге «Жилище в России: век XX» [1]). Таким образом, может возникать пространство повседневного конфликта. Есть несколько групп, которые претендуют на никак не обозначенный кусок асфальта: автомобилисты, владельцы собак, дети, пенсионеры, – словом, все те, у кого есть постоянные потребности, которые должны быть удовлетворены недалеко от дома. Легко заметить, что отношения жителей спального района со своей средой отнюдь не только пользовательские. Люди постоянно преобразовывают мир вокруг себя, они самостоятельно проводят границы. Мне бы хотелось описать практики горожан по самостоятельному зонированию пространства. В основу этого текста легли полевые наблюдения в разных районах Санкт-Петербурга в течение лета 2011 г.

Социология архитектуры в последнее время все больше набирает обороты. Большинство работ в этой области сосредоточивается на значимых архитектурных течениях и объектах. Однако в рамках теории практик существует течение мысли, согласно которому определяющее значение в восприятии города играют не выдающиеся объекты, а типовое строительство [2].

В социологическом анализе архитектуры можно условно выделить два основных направления. Первое из них тесно связывает пространство и социальную организацию общества. В этом контексте собственно архитектура занимает разное место. Она может отражать социальную организацию общества или быть активной силой, создавать её. Классическим примером анализа архитектуры как зеркала социальной структуры является работа Пьера Бурдьё [3] о традиционном кабилском доме.

Вторую, «обратную», точку зрения выражает Вальтер Беньямин. В знаменитой работе «Искусство в эпоху его технической воспроизводимости» [4] он пишет о том, что архитектура является вечной формой искусства. Понимание же архитектуры происходит в двух формах: через восприятие и через использование; оптически и тактильно. Последнее предполагает ежедневное использование, рутинизацию, создание фоновой практики использования архитектурного объекта. В этом, с точки зрения Беньямина, состоит риторическая сила архитектуры. Идея о том, что с помощью архитектуры можно изменить общество, оказалась чрезвычайно плодотворной. Особенно популярна она была в первой половине XX в. — и не столько у ученых, сколько у практикующих архитекторов. Главным выразителем этой идеи в Европе был Ле Корбюзье. Весь советский архитектурный авангард 1920–1930-х гг. также вырос на этой почве. Среди социологов эту точку зрения выражает, например, Д. Джейкобс [5].

Данный текст состоит из двух частей. В первой части бегло описываются особенности микрорайонной застройки позднесоветского периода. Вторая посвящена описанию творческого подхода жильцов к проведению границ.

I. Особенности массовой жилищной застройки позднесоветского периода

Система микрорайонного строительства была доминирующей в СССР. До сих пор большую часть жилого фонда российских городов составляют районы, построенные по этому принципу. По определению Большой советской энциклопедии, «микрорайон состоит из комплекса жилых домов и расположенных вблизи них учреждений повседневного культурно-бытового обслуживания населения (детские сады и ясли, школы, столовые, магазины товаров первой необходимости), спортивных площадок и садов» [6]. Этот принцип использовался, преимущественно, при комплексном освоении и застройке новых территорий в позднесоветское время.

Идея микрорайона как планировочной единицы была впервые высказана в начале 1920-х гг. в рамках развития «города-сада». Дискуссии архитекторов в то время шли в двух направлениях: одни ждали от будущего наибольшей урбанизации, другие – субурбанизации. В конечном счете, советское типовое жилье представляет собой странный гибрид прямо противоположных друг другу точек зрения. Блэр Рубл пишет, что микрорайоны были задуманы как вариант «города-сада» в большом городе, где люди могли бы жить, «надежно огражденные от неудобств и опасностей перенаселенных, грязных и шумных районов старых промышленных городов» [1].

В Советском Союзе идея микрорайонной планировки утвердилась в конце 1950-х гг. с началом крупнопанельного строительства. Отличительная особенность состояла в том, что архитекторы и планировщики рассматривали квартиру как часть системы городской среды [7]. В отдельной квартире не должны были «автоматически» решаться все бытовые задачи. Причем даже те, которые сейчас кажутся нам сами собой разумеющимися: к примеру, право мыться в своей квартире было предусмотрено, но стирать уже не рекомендовалось. Для этого должны были быть построены прачечные шаговой доступности.

Отчасти такой подход был продолжением идеи дома-коммуны, популярной в 1920-е гг. С учетом опыта предыдущих лет и новых требований времени власть не могла уже продолжать продвигать идею коммунального жилья как передовую, но она не отказывалась от идеи коммунального быта, пусть и воплощаемой только наполовину.

Многэтажность микрорайона и монотонность застройки, критикуемые в среде архитекторов, были связаны с организацией советской экономики [8]. Плановая система не предполагала гибкости. Склонность к типизации была заложена в самой системе. Появление домостроительных комбинатов было закономерно (заметим в скобках, что исследование советского микрорайона с точки зрения социального конструирования технологий могло бы быть очень продуктивным).

Итак, отличительная черта микрорайонного планирования жилого строительства состоит в том, что оно рассматривает квартиру не как цель строительства, а как единицу в большой системе. Через микрорайон квартира сопряжена с районом и городом в целом. Задачей архитекторов было создать полноценную среду для жизни, включающую в себя общественные центры, инфраструктуру для детей и молодежи, бытовую инфраструктуру. Не следует забывать и о том, что (по крайней мере, на уровне планов) советский город строился для массового пешехода или пользователя общественного транспорта.

На уровне планирования это строительство продолжало дело больших советских утопий. Оно должно было стать реальным воплощением социализма; тем, что он мог дать каждому советскому человеку; тем, что можно было потрогать. Однако её осуществление столкнулось с некоторыми трудностями.

В упомянутой выше статье «От хрущоб к коробкам» Б. Рубл [5] указывает на то, что советская номенклатура очень любила макеты. И, предвещая феномен «бумажной архитектуры» 1980-х гг., массовая застройка хорошо выглядела только на бумаге. В реальности же, в силу различных факторов (прежде всего экономических) часто строились только дома. Объекты инфраструктуры и благоустройство территории откладывались на неопределенный срок.

В журнале «Архитектура и строительство Ленинграда» за 1981 г. Н. Барановская [9] пишет о том, что недостатки в культурно-бытовом обслуживании горожан «все ещё» встречаются. Архитекторы, как им и положено, обращают внимание на район и здание, а строители делают акцент на квартирах и гонятся только за количеством квадратных метров. Это связывается и с тем, что отчетность по выполнению планов строительства была связана только с жилыми помещениями.

Создавался район для советского человека, и не был создан до конца. От этого возникает множество разных проблем, которые вызывают негативное отношение к «спальным районам», которые мы часто можем встретить ([об этом 10, 11]). Одна из главных проблем – это отсутствие зонирования территории. Потребитель советской архитектуры – типовой человек – в типовых условиях должен был испытывать «типовые» эмоции. Потребности его тоже были типовыми [12. С. 226]. Однако в реальной жизни образовывалось мно-

жество разных групп, которые конкурировали за использование территории. В следующем параграфе мы рассмотрим практики жителей, с помощью которых они пытаются разрешать конфликты, размечая территорию так, как они считают нужным.

II. Повседневные практики пользователей пространства

Даже среди архитекторов не существует консенсуса в том, как определять границы двора или микрорайона на практике. Где заканчивается публичное и начинается приватное? Где заканчивается один двор и начинается другой? Где заканчивается автостоянка и начинается рекреационная зона?

Здесь уместно вспомнить классическую книгу Кевина Линча «Образ города» [13]. Линч пишет о том, что восприятие города является неотъемлемой частью психологического комфорта его жителей. Чем четче город, тем легче в нем живется. В образ города, по Линчу, входят пути, границы, узлы, ориентиры – словом, все то, что помогает нам создавать собственные ментальные карты. Объединяет это все «читаемость» города – мера того, как легко эти самые карты создаются. Советский микрорайон, соответственно, обладает довольно низкой читаемостью. Повышение связности городского пространства – это деятельность на благо горожан.

Каждому, кто хоть раз бывал в спальных районах Петербурга, приходят на ум сразу два заметных процесса, происходящих там: украшение пространства и проведение границ (буквально: установка заборов и заграждений). В тексте я постараюсь интерпретировать эти практики как части глобального процесса. Илья Утехин в эссе «Место действия. Публичность и ритуал в пространстве постсоветского города» [14] замечает, что самодельные объявления, граффити и так далее «бросают вызов власти тех, кто устанавливает порядок медийности в публичном пространстве». Однако если посмотреть шире, то можно сказать, что таким образом горожане бросают вызов любой власти. Изменение территории – это способ предъявить собственные потребности. В современной России существует не так уж много вариантов диалога граждан с властью, и это один из них. Всем известна максима о том, что асфальтовые дорожки стоит укладывать там, где на газоне уже протоптаны тропинки (в разных источниках её рассказывают про разные научные центры, например про Академгородок, но никогда – про обычный город). Российские власти не слишком склонны к тому, чтобы учитывать мнение жителей.

Часто инфраструктура на самом низшем уровне создается вопреки потребностям горожан. Повседневное преобразование города остается методом «низовой» борьбы с властью, попыткой преобразовать безличное пространство. Главная цель такого преобразования – проведение границ. На основе эмпирических данных можно выделить три основных типа практик подобного рода: «огораживание», украшение и вербализация запрета.

«Огораживание»

«Огораживание» – это буквально понятое установление границ. Чаще всего оно используется муниципальными службами в попытках провести более внятное зонирование города. Во внутриворотовом пространстве установка заборов, «быков», «лежачих полицейских» бывает инициативой ТСЖ, коммерческого сектора или административных структур, так как требует значи-

тельных затрат. Однако нельзя сказать, что рядовые жители не используют его совсем – просто «огораживание» обретает другие формы.

Характернее всего эта практика для автомобилистов. Увеличение количества личного транспорта в пространстве, не вполне приспособленном к этому, производит значительное количество новых практик.

Автомобилисты преследуют двойную цель. Во-первых, они стремятся отгородить «свою» территорию от жителей с другими потребностями, а во-вторых, от других автомобилистов, претендующих на то же место. Часто для этого используются самые агрессивные методы, вплоть до порчи имущества, но мы остановимся только на тех, которые оставляют след в пространстве.

Весьма типичный пример — это один из дворов в Красногвардейском районе. Оставив неширокий проезд, автомобилисты установили столбики, отмечающие парковку, и повесили цепочки, её огораживающие.

В целом, большинство подобных практик является следствием конфликта горожан с автомобилистами. Причем конфликт может возникать и с муниципальными службами. Достаточно часто встречается, например, заграждение из выброшенной мебели у мусорных баков. Таким образом работники служб ЖКХ пытаются оставить проезд для мусоровоза, которому часто мешают припаркованные машины.

Украшение

Наверное, каждый житель Петербурга хоть раз видел необычные композиции, которые возводятся на небольших участках, примыкающих к типовому дому. Творческая энергия жильцов находит выход в разных формах: начиная от простого разведения цветов и заканчивая яркими инсталляциями из подручных предметов.

В отличие от других городов-миллионников (например, Казани или Омска), в Петербурге почти отсутствует огораживание придомовой территории под личные нужды и использование её в качестве приусадебного участка. Зато попытки выделить свой двор среди прочих представлены очень широко.

Один из самых «радикальных» вариантов – двор недалеко от метро «Улица Дыбенко». Замысловатые украшения из пластиковых бутылок сбивают случайного наблюдателя с толку и остаются в памяти навсегда. Они развешены между двумя пятиэтажными домами. Эту территорию достаточно сложно назвать двором в привычном понимании – фактически это просто проезд между домами. Но подобный творческий акт придает территории новый статус. Она, во-первых, приобретает некоторую замкнутость (там, где есть украшения – это двор, а продолжение проезда, ничем не отличающееся, – уже нет), а во-вторых, выделяет его среди других похожих «недодворов» и придает статус городской достопримечательности (этот двор, например, был включен в игру по городскому ориентированию «Бегущий город» в 2010 г.).

Необычность становится ориентиром, поводом для гордости. Происходит присвоение пространства горожанами. В отсутствие архитектурных доминант и в подавляющей монотонности пространства украшение – единственный способ выделить своё жилище. Появляется некоторая зона приватности, отличающаяся от окружающего мира. Нужно заметить, что такие композиции никогда не соз-

даются на улице (по крайней мере, автору не приходилось наблюдать), хотя придомовая территория часто одинакова на улице и во дворе.

Интересно, что подобное творчество становится истинно народным, скрывая своего индивидуального создателя, даже если он есть. Удалось увидеть только подпись целого ТСЖ, органично вплетенную в композицию. Возможно, это означает то, что их создают несколько субъектов, а, возможно, оно таким образом вписывается в городскую среду, которая не менее анонимна. Украшение мимикрирует под такую же естественную и легитимную её часть, как дома и тротуары.

Украшение – это, с одной стороны, попытка сделать двор «своим», избавить его от «обезличенности» и «скуки», а с другой, ограничение использования газона для других горожан (например, парковки или выгула собак). Оно становится ориентиром и знаком, указывающим на то, что здесь живут не какие-то граждане, а вполне конкретные люди, которые, в случае конфликта, готовы отстаивать своё право на город.

Вербализация

Наиболее острые конфликты оставляют после себя артефакты: надписи, таблички, самодельные попытки оградить территорию. Это, с одной стороны, попытка представить себя властным субъектом (тот, кто написал, обезличивается и перестает быть просто «соседом»); надпись несет в себе всегда больше, чем просто устное указание), а с другой стороны, это автоматически расширяет круг участников конфликта. Мы никогда не знаем, кто именно написал то или иное воззвание, когда он это сделал, к кому обращался и что имел в виду. Мы имеем дело только с текстом. Надо заметить, что к практикам вербализации напрямую не относятся такие практики, как граффити (их сообщение не всегда поддается расшифровке) и всевозможные рекламные конструкции, поскольку они имеют другие цели и других субъектов высказывания.

Самая большая группа – это надписи, связанные с автотранспортом («Машины не ставить», «Проезд не занимать» и т.п.). Они бывают как исходящие от коллективного субъекта («Стоянка только для жильцов дома *Отечественная 3*»), так и от индивидуального («*Просьба! Место не занимать!*»). Интересно, что подписи на этих табличках встречаются крайне редко или не встречаются вовсе. Индивидуальный субъект не имеет в этой системе ни лица, ни власти. Хотя если говорить о некоторых запретах, то, возможно, подпись властного лица (например, председателя ТСЖ) их бы легитимировала.

Вторая – это надписи, связанные с содержанием домашних животных. Доминирующую позицию здесь, естественно, занимают собаки, что ставит владельцев других животных в привилегированное положение (выгул собак запрещен, а с хоряками можно?). Они, как правило, имеют коллективного субъекта, исполнены достаточно затратно (например, надпись на трансформаторной будке) и предлагают альтернативный вариант решения проблемы («*Выгул собак по адресу пр. Энтузиастов 46/1/пустырь/*»). Этого нельзя сказать об «автомобильных» надписях. Никто не порекомендует вам, где можно ставить машину, если нельзя здесь.

И, наконец, третья группа – это надписи, связанные с благоустройством территории. Сюда относятся как городские правила пользования детскими площадками, так и охрана собственных плодов труда жителей района. Достаточно часто встречаются украшения небольшой придомовой территории мягкими игрушками и старыми предметами обихода. Подобный вид благоустройства сопровождается охранительными воззваниями («Люди! Не трогайте нас. Зверушки»). Могут встречаться и более грозные надписи («Не рубить! Дерево под охраной жильцов дома! Не пилить!»).

Интересно, что большинство практик находится в «серой зоне» официального дискурса. Очень редко можно встретить внутри микрорайона таблички, имеющие субъектом административные органы. Тут же ещё стоит заметить, что рекреационные практики также остаются вне этого дискурса. Единственное место, где мы можем увидеть их упоминание, – это запрет на употребление спиртных напитков на детской площадке. Но опять-таки чаще мы увидим там запрет на выгул собак. Также не нашлось ни одного упоминания о велосипедах или других активных спортивных занятиях.

Выше мы бегло описали основные приемы творческого обращения жителей с жилым пространством вокруг их домов. Формально придомовая территория и земля, на которой стоит многоэтажный дом, являются коллективной собственностью жильцов, но законодательство в этой области крайне расплывчато. Как таковых установившихся практик коллективного благоустройства территории по-прежнему не существует. Переоборудование дворов осуществляется муниципальными органами по адресной программе без учета пожеланий жильцов. Поэтому описание креативных практик обживания, облагораживания пространства является важной попыткой выработки диалога между городскими службами и городскими жителями.

Типовое строительство в СССР – это объект малоизученный, но представляющий возможности для более полного понимания современного городского пространства. Именно на стыке значения и практики рождается понимание городского пространства. Мы можем совершить герменевтический круг, начиная со значений, анализируя практики и через них снова понимая значение, которое закладывалось в пространстве. Представляется, что дальнейший его анализ (возможно, следуя пути, намеченному Дж. Джейкобс), мог бы быть весьма плодотворным.

Литература

1. *Жилище* в России: век XX. Архитектура и социальная история / Сост. У. Брумфилд, Б. Рубл. М.: Три квадрата, 2001. 192 с.
2. *Блекер Дж.* О пещерах и небоскребах: замечания профана // *Неприкосновенный запас* №5(25). 2002.
3. *Бурдьё П.* Социальное пространство: поля и практики / Пер. с фр.; отв. ред. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 576 с.
4. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе / Под. ред. Ю.А. Здорова. М.: Медиум, 1996. С. 69–91.
5. *Джейкобс Дж.* Смерть и жизнь больших американских городов / Пер. с англ. Л. Мотылева. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.

6. *Большая советская энциклопедия*. Издание третье, 1978. Интернет-ресурс. – URL: < <http://bse.sci-lib.com/>> (17.06.2012)
7. *Хан-Магомедов С.* Формирование новых типов общественных зданий // *Архитектура Советской России*. М.: Стройиздат, 1975. 223 с.
8. *Баранов Н.В.* Основы советского градостроительства. М.: Стройиздат, 1969. 254 с.
9. *Барановская Н.И.* Не здание, а квартира // *Архитектура и строительство Ленинграда*. 1981. № 1.
10. *Глазычев В.Л.* Московская страгатагема // *Отечественный записки*. 2012. №3(48).
11. *Калашиников Н.* Москва. Краины // *Логос*. 2002. № 3–4
12. *Хмельницкий Д.* Зодчий Сталин. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 304 с.
13. *Линч К.* Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева; под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
14. *Утехин И.* Место действия. Публичность и ритуал в пространстве постсоветского города. М.: Strelka Press, 2012.